

в таком случае нас примут в это сообщество. Но в качестве кого — равноценных партнеров? Это вряд ли. Скорее всего, дальше порога не пустят, в лучшем случае — разрешат присесть где-нибудь с краю. Грустно все это. Но еще и страшно, страшно за нашу науку, образование, страну.

Когда слушаешь наших власть предержащих (того же министра образования), соглашаешься буквально с каждым словом: нужно повышать качество образования, необходимо увеличить финансирование фундаментальной и вузовской науки и т.д. и т.п. Но возникает законный вопрос: а что, кто-то возражает против этого? Правда, далее следует оговорка,

что финансирование вузов пока может быть осуществлено лишь на столько-то процентов, поскольку денег в бюджете недостаточно. Но во-первых, деньги — это вещь, которой всегда не хватает, во-вторых, при современных правителях их никогда не будет, в-третьих, удивляешься, на кого все-таки рассчитаны эти речи? Неужели кто-то всерьез будет воспринимать все сказанное?

Такая вот получается глубокомысленная философия. Правда, находятся еще люди, наивно вопрошающие: неужели они, руководители, не понимают всего этого? Прекрасно понимают. Но тогда в чем дело? А вот как раз в отсутствии дела.

А.А. АТАНОВ

доктор философских наук, профессор

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В СИСТЕМЕ ЗНАЧЕНИЯ

Некоторые происходящие в современном обществе изменения вроде бы указывают на новые тенденции, которых не было еще несколько лет назад, но, к сожалению, внятных критериев для оценки этих тенденций не существует. Вместе с тем в системе научного знания появились термины, отражающие эти процессы. Ведь такие процессы содержат в себе факторы, непосредственно связанные с определенностью будущего, что, в свою очередь, позволяет производить факторный анализ тенденций развития. Именно через систему связанных с этими терминами смыслов создается система описания, выполняющая в смысловом плане функцию предвосхищения будущего и указывающая на происходящий процесс и на дееспособность социального устройства общества в отношении возможной будущей определенности в системе вызовов и ответов.

Указанными процессами являются глобализация, глобализм, демократия, информационное общество и др. Видимо, эти процессы и должны выступать в качестве критериев определения функциональности, тенденций развития и формирования общественных связей. Но когда возникает необходимость дать им четкую дефиницию, мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: значение процесса, описываемого этими терминами, не определяется. Термины, обозначающие эти

процессы, не определены в своем значении и смысле по той причине, что постоянно изменяется контекст их употребления, означаемое не связывается с означающим ни в структурах смысла, ни в структурах «языка», ни в структуре «реального» процесса; в результате под сомнением оказывается даже не сам процесс, а его реальность, причем реальность понимается здесь и в гносеологическом, и в онтологическом смыслах.

Система понимания, привязанная к происходящему, говорит нам, что разрушено единство возможного и действительного, вариативность не объективируется, а определяется как система произвольного выбора, гипертрофируется значение случайного, очень сложно становится отличить существенное от несущественного, основа никак не связана с обоснованием. Возникает постоянная смысловая неопределенность, ведь в системе информационного поля, происходящего процесса, взятого самого по себе, не существует никаких критериев для определения истинности или ложности как самого процесса, так и системы связанных с ним значений.

По наблюдению Грайса, контекст играет двойную роль: высказывание помещается в контекст ситуации для проведения соответствующей интерпретации, поэтому необходимо знание контекста; помимо того что в высказывании выражается некоторая инфор-

мация, через контекст выражается некоторая дополнительная информация, которую именно через контекст выделяет для себя ее адресат, причем информация должна быть разделенной между «собеседниками». Поэтому анализ происходящих процессов требует наличия не только систем значений, но и фиксации поля контекста, где эти значения раскрываются, создавая ситуативную данность.

М. Гране, комментируя «Ши цзин» и «Го фэн», отмечает: «Когда поэт напишет в нужном месте одно-единственное слово “весна”, то не только вызовет в сознании все любовные муки с чередой сопутствующих картин, но и будет уверен, что его слушатель в полном согласии с требованиями природы и обычаями предков испытает столь острое чувство, что припишет его слову значение и пожелания, и приказа. Становится ясным, почему в китайском языке и слово, и оборот — не случайные знаки, но символ, поэтому точно выбранное слово — не простой термин с ясным общепринятым смыслом, но выражение с рвущейся из него силой мольбы и понуждения... Общепринятая метафора давала поэту силу посылать проклятие определенному преступнику, подчинять того его судьбе. Оно ничего не теряло из этой силы от периодического обращения к поэтической теме. Так бывало и в тех случаях, когда стихотворение целиком отходило от своего первоначального смысла»¹.

Система значения и контекст в такой системе раскрываются в совершенно новом для европейского сознания и логики значении. Повторение означает вовсе не воспроизведение последовательности событий в повторяемости, где совмещаются две данности, а способ указания (неслучаен используемый М. Гране термин — сила) на избирательные сущности, к которым применима ситуация повторения, в результате чего данность и обретает значение, причем здесь не происходит соединения двух данностей в едином процессе, а строится система различия, повторение — это не общность, а избирательность. Отход от смысла связан не со значением, а с контекстом и символической структурой, так как рассматривается иная ситуация, в которой раскрывается не изначальное, а измененное содержание значения, вариативность указывает на новый смысл, но не значения имеющегося, а включенной данности «реального», выраженной и онтологически, и гносеологически именно в зависимости от контекста.

В случае же анализируемых нами процессов контекст постоянно восполняется, появляется новый блуждающий «объект», создающий присутствие, указывающий на наличие смысла, занимающий по отношению к имеющемуся читаемому смыслу искаженное положение. Этот «объект» всегда оказывается не там, где он есть. Он находится в ситуации ускользания от возможных определений, даже контекстуальных, его присутствие указывает не на структуры смысла, а на структуры реальности, активно стремящиеся ускользнуть от определения. Такое поведение означаемого объекта, по всей вероятности, не связано с его символами, требованиями и судьбой. Адекватное прочтение невозможно даже в рамках китайской теории смысла и значения. Следовательно, к вопросу об ускользающем и прячущемся смысле присоединяется вопрос о действительности, которая столь активно противится своему определению.

Такое положение вещей настораживает. Дело, очевидно, заключается не в смысле как таковом, а в неких структурах, активно противящихся установлению смысла, т.е. и на знак, и на смысл, и на систему означения оказывается воздействие, причем весьма активное. Сопротивление выражено и в системе самой социальной действительности, которая стремится вырваться за пределы любого определения и определенности, формируя инаковость контекстных процессов и определений, не как процесса, характеризующегося заданностью, а как ускользающего объекта. Происходит смешение реального и смыслового в едином процессе, который вовсе и не процесс, а ускользающий объект, противящийся своему определению.

Вместе с тем необходимо отметить, возвращаясь к контексту, что данность и интерпретация не одно и то же. Открытие М. Фуко археологии мысли указывает на область, лежащую за пределами мысли и истории человека. Ж. Лакан показал наличие особого образа отца — «Имя-отца». Отец может быть реальным, может быть воображаемым, а может быть символическим. Именно структура «Имя-отец» указывает на возможность реального и воображаемого, образующих последовательность, в которой реальное и воображаемое образуют единство, выражающееся через серию, и основание этой серии символическое. Адекватный анализ серии возможен при четком выделении трех

ее порядков — реального, воображаемого и символического. В классической философии была выстроена двойственная опосредованность истинного: реальное по истине (именно так решается вопрос о совмещении онтологического и гносеологического в содержании реального, здесь усиливается его гносеологическое содержание посредством привязки к истинному, что дает нам четкую смысловую определенность процесса, который соотнесен с понятием реального); и то, что было вызвано к жизни силой воображения, но вместе с тем соответствует критериям истинного. При таком подходе к анализу процесса мы подключаем гносеологическую категорию «истина», при этом сам процесс должен стать соответствующим критериям целостности и единства, включающим в себя и реальное, и воображаемое.

Единство подобного рода невозможно построить при традиционном подходе, включающем порядок реального и воображаемого; только серия трех порядков позволяет воссоздать единство. Символическое в этом контексте становится основанием для генезиса реального и воображаемого, причем не только генезиса, но и протекающего в настоящем процесса, который включается в границы и начала, и данности. Как отмечает Ж. Делез, за реальными людьми и их реальными отношениями, за идеологиями и воображаемыми отношениями Л. Альтюссер открывает более глубокую сферу — объект философии и науки. Эмпирическая определенность действительности не позволяет нам выразить ее смысл, так же как и игра воображения и идеологии. Только выделение символического позволяет адекватно выразить смысл.

В качестве иллюстрации приведенного может выступить следующее рассуждение: если мы наблюдаем какое-нибудь явление, то оно соответствует порядку реальности; мы можем воображать и представлять его смысл, но является ли то, что мы видим и воображаем, истинным? И является ли истинным сам порядок реального? Поэтому и вводится символический порядок, позволяющий отследить как законы построения образа явления в воображении, так и законы функционирования самого реального. Возникает основание для реконструкции единства того и другого, позволяющее нам анализировать реальное, воображаемое и символическое как одну серию, привязанную к законам смысла, воз-

никает основание для «языка» и означаемого, что и создает, в свою очередь, возможность интерпретации и понимания.

Для анализа указанных оснований нам необходимо определить положение субъекта в системе действия и значения. Система значения, как мы видим, должна включать в себя действующие силы, носящие произвольный, субъективный характер. Но с субъектом в системе обозначения дело обстоит далеко не так просто. Лакан выделяет два поля — поле субъекта и поле большого «Другого». «Другой» является местом, где находится цепочка означающего — цепочка, управляющая всем тем, что со стороны субъекта способно предстать налицо, это поле того живущего, где можно явиться. «И, как я уже сказал, именно с него, со стороны этого живущего, призванного к субъективности, и заявляет о себе, по сути дела, влечение»².

Переход к знаковым системам и знакам в системе Лакана осуществляется как функция края, зияния и циркуляции. Двусмысленность знака связана с тем, что он что-то за кого-то представляет. «Этот кто-то может выступать в самых различных обликах — это может быть даже вселенная в целом, поскольку мы вот уже некоторое время знаем, что в ней, как негативная сторона энтропии, циркулирует информация. Всякий узел, где сплетаются знаки, можно, поскольку знаки эти представляют что-то, за кого-то принять. Чтобы этого не происходило, особо следует подчеркнуть, что означающее делает означающим то, что оно представляет субъект для другого означающего. Возникновение означающего в поле Другого приводит к возникновению субъекта его значения»³. Адекватная оценка «Другого» в описанном нами значении термина «контекст» и позволяет провести анализ интересующих нас структур.

В структурализме используется термин «объект=x», он указывает на точку схождения серий, расходящихся в качестве таковых. Мы можем заключить, что именно наличие такого ускользающего объекта не позволяет нам определить в системе социума структуры, описываемые при помощи терминов: глобализация, информационное общество, демократия и т.д. Но на самом деле это не так, нет никаких сходящихся или расходящихся серий, которые благодаря смещающему присутствию «объекта=x» приобретают значение или создают соответствующую структуру.

Изменена здесь и функция субъекта, являющегося источником действия, ибо действия оказываются вписанными в контекст, который не определяется, и в процессы, которые превратились в ускользающий объект. Возникает необходимость соединения данности и ее интерпретаций в единое целое, иначе анализ невозможен. Перейдем к рассмотрению конкретных фактов, чтобы подтвердить теоретические посылки.

В современных условиях для анализа социальных институтов и структур весьма подходящими оказались два понятия: сеть и малый мир. В современной России мы можем говорить о разрушении соответствующих данным понятиям социальных структур, поэтому и идеологии не могут существовать и функционировать в системе, в которой не выражен порядок реального. Маркс и Ленин очень четко позиционировали свою систему идеологии, она относилась к малым мирам капиталистического предприятия, которые, что греха таить, угнетали своих работников, поэтому идеология освобождения находила живой отклик.

В современном мире классических рабочих коллективов практически не осталось. На Западе изменилась структура занятости. М. Кастельс выделяет новую систему занятости, характерную для постиндустриальных стран, — это экономика услуг, а не производства, поэтому мы говорим о соответствующей ей структуре занятости: услуги производителям; социальные услуги; распределительные услуги; бытовые услуги. При росте занятости в этих сферах происходило сокращение промышленной занятости.

В России при сохранившемся промышленном характере производства произошло уничтожение многих социальных групп, которые были поставлены на грань выживания. Интересы других были индивидуализированы и вычленены из системы общих интересов. Может быть, все это и не плохо для борьбы с революционным движением, но никакой серии реального, воображаемого и символического в таком обществе быть не может, так же как не может быть никакой национальной идеи (идеи «обогащайтесь» и «каждый сам за себя», я думаю, не совсем то, что нужно).

Разрушены и сети, не осталось многих научных сообществ, обществ по интересам, нет никакой возможности говорить о формировании гражданского общества. Наука

не связана с производством, достижения ученых и естественников, и обществоведов игнорируются при принятии государственных решений, не существует никаких механизмов обратной связи. Решения носят произвольный характер, нет системных решений. Общество атомизировано.

Складывается парадоксальная картина: правительство, призывая к инвестированию в российскую экономику, само не делает никаких попыток инвестировать средства Стабилизационного фонда в национальную экономику (даже и не обсуждает это), ссылается на инфляционные процессы и при этом параллельно усиливает налоговое бремя на бюджетные организации, говоря другими словами, изымает излишки даденного. Какие социальные институты при этом поддерживаются? Тайна сия велика есть! Ведь главная проблема современной экономики России, в государственном понимании, — высокие цены на нефть и газ! О каком информационном обществе можно говорить при сырьевом характере экономики, где нельзя нормальным способом потратить или инвестировать средства, полученные за невозполнимые ресурсы? Такой экономике не очень то и нужны квалифицированные кадры, ведь она живет по законам не экономического тренда, а одного дня. О какой демократии можно говорить, если нет нормальных структур гражданского общества и все структурные изменения социума носят произвольный характер.

Рассмотрим более «нормальные» общественные структуры Запада, которые эволюционировали в том числе и под влиянием, а также, думаю, из страха перед процессами, произошедшими в России в октябре 1917 г. С. Лэш, рассматривая информационное общество в контексте производства, приходит к выводу, что результат производства — это не столько блага, воплощающие информацию, сколько сама информация, отсюда и дезинформированное информационное общество⁴. Новые продукты конструируются, они уже не объекты, а артефакты. Социум все больше становится похожим на сообщество. Национальное сменяется глобальным. По мнению С. Лэша, в новом обществе существует не только анархия или неопределенность, но и некий вид диалектики, характерный для информационного общества, обуславливающего развитие от порядка к беспорядку, а затем к новому порядку. Производство воплощается

в квазианархическом распространении потоков информации. Упорядоченность данной системы возникает через систему интеллектуальной собственности, происходит перенос «собственности на объект» на «собственность на прототип». Стоимость не исчезает, но перестает быть меновой, а становится знаковой, символической. Не устраняются социальные закономерности, они модифицируются, но исчезает стабильность, предсказуемость и временная определенность этих закономерностей. Как следствие, преходящими становятся любые социальные формы, все приобретает субъективный, мимолетный характер. В экономике это может привести к тому, что могут появиться товары, обладающие будущей стоимостью, стоимостью предстоящего обмена.

Как видим, неопределенность, но по совершенно другим причинам, ожидает и Запад. Кризис традиционных институтов является вполне прогнозируемым. Проведенный нами анализ субъекта в системе знаков и означения позволяет сделать выводы несколько другого порядка, чем делает С. Лэш. Для него слишком актуальным является воображаемое, тогда как в современной российской действительности чрезмерно актуализируется реальное, как результат, мы видим смысловые перекосы, мешающие исследованию.

«Квазианархия» (воображаемое) очень успешно заявляет о себе на улицах вполне благополучного постиндустриального Парижа; становясь реальным, «воображаемое» приобретает иной смысл. Введение в экономику как основания структуры «будущая стоимость» позволяет стать абсолютным монополистом, ведь обычный монополист лишь мечтает о месте в будущем, здесь же это место становится реальным.

Правовая система Запада со всеми ее традициями не слишком актуальна для информационного общества, но при этом знает ли уважаемый С. Лэш, что право собственности на 20% генома человека принадлежит американским компаниям и университетам? Собственность на прототип успешно реализуется?

Очень странным, на наш взгляд, представляется употребление английским автором термина «диалектика» для отражения перехода от беспорядка к порядку, ведь существует синергетическая методология анализа хаотических процессов. Если речь идет все же о диалектике с ее очень жесткой смысловой и логической определенностью, не означает ли это, что уже сейчас есть те, кто знает о происходящих общественных изменениях и руководит ими, причем это можно осуществить только в институциональной форме. Такой субъект означения, заменяющий «Другого», представляется чем-то монстроподобным.

Как видим, XXI век приносит неопределенность, анализ социальной действительности требует значительных усилий от человечества, его будущее не безоблачно. Хаос — вещь хорошая, но у порядка, наверное, тоже есть свои достоинства. В смысловом плане тенденции современности мне не очень нравятся, результаты будущего не очевидны, и поневоле думаешь: «После того как происходит утрата объекта, он начинает замещать нечто значительно большее, то, чего нет у нас в наших земных жизнях».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гране М. Китайская мысль. М., 2004. С. 46–47.

² Лакан Ж. Семинары. СПб., 2003. Кн. 11. С. 217.

³ Там же. С. 221.

⁴ Lash S. Critique of Information. Cambridge, 2004.